

Натали Исупова

Настоящий Волшебник

цикл "Камелот"

16+

Натали Исупова
Настоящий волшебник

«ЛитРес: Самиздат»

1999

Исупова Н.

Настоящий волшебник / Н. Исупова — «ЛитРес: Самиздат»,
1999

ISBN 978-5-5320-9705-6

История мага-неудачника, которому удалось стать настоящим волшебником, и ни много ни мало положить начало легенде о короле Артуре.

ISBN 978-5-5320-9705-6

© Исупова Н., 1999
© ЛитРес: Самиздат, 1999

Краски дня потихоньку затушевывал вечер, а вскоре и сама ночь спустилась на землю, окутав свои владения покрывалом тьмы. Добрым людям, да и многим божьим тварям полагалось спать сладким сном, а вот всякая нежить, напротив, только просыпалась, собираясь на свою вечную охоту. Наверное, поэтому ночь – лучшее время для колдовства, да еще такая: с идеально круглой желтой луной, разверзшейся посреди черного неба гнойным оком. Удачный час, чтобы навести чары, раскинуть гадательные пластинки или кости, навести смуту или черный мор. Удачный, но не слишком приятный для человека, даже если тот и посвятил себя ремеслу мага. «Именно ремеслу, а не искусству», – мысленно уточнил для себя Фальстааф: он уже смирился с тем, что всегда будет в этом деле только хорошим ремесленником, настоящим мастером. Но не гением... Этого ему не дано.

Только что с того? Разве можно назвать сейчас кого-нибудь истинным магом, всемогущим, всесильным? Повывелись, измельчали. Из нынешних чародеев он лучший, и не многие помнят, на что были способны прежние маги. Ему не довелось застать ни одного другого Маэстро, как их почтительно величали, кроме своего старого учителя. Маэстро были творцами, ваяли из магической субстанции мира со всеми населяющими их созданиями, месили эфир, как скульптор глину... Ему же доступны лишь жалкие копии мельчайших осколков их не самых лучших шедевров. Напрасны все мечты и тщеславные помыслы, он не способен составить ни одного собственного заклинания, и лишь как попугай повторяет подобранные другими слова.

Фальстааф часто спрашивал себя, а не прозевал ли он крошечный, едва заметный поворот на пути постижения магической науки. Он сам убил в себе возможность творить, разглядев в магии лишь мощное оружие, способное служить его целям. А Маэстро были смиренными слугами великого искусства, познавали и проникали в его тайны для других, не оставляя ничего для себя и не алча практического применения открытиям.

Неужели это глупое и непонятное ему стремление позволило Им достичь столь многого, в то время как он, со своим рационализмом и терпением, несмотря на все способности, считался бы в старину лишь магом средней руки и никогда бы не вырос выше подмастерья. Нельзя было постигать чудеса подобно математике, и одним усердием тут не взять. Нужно что-то большее. Но что? Слишком много было в Фальстаафе от человека, и человека не самого хорошего... Жажда власти, славы, богатства – если от этого надо отказаться, чтобы заткнуть за пояс старых чародеев в звездчатых колпаках, то к чертям всю магию!

Фальстааф не любил ночные бдения и предпочитал использовать ночь, за редким исключением, на естественные для человека нужды. Но последнее время ему не спалось... Все честолюбивые планы рушились, в одиночестве его одолевали мрачные думы, мешающие уснуть. И откуда только взялся этот горе-наследник? Никто о нем ничего не знает, да и о его происхождении известно только с собственных слов самозванца. Но за принцем стоит многое, чего никогда не было у Фальстаафа. Кем бы он ни был, но деньги у него за душой имеются, иначе, как соберешь такое огромное войско? Люди ему верят, твари побаиваются. Теперь о Фальстаафе никто и не вспомнит, хотя он ведь тоже в своем роде принц...

Все что у него есть сейчас, Фальстааф добыл своим потом и кровью. Детство и юность прошли незамеченными для него. Когда его сверстники играли, а затем сражались на турнирах и охотились, он проводил долгие часы, скрючившись над книгами – до рези в глазах, слезившихся от тусклого света свечей, источающих смрадный дым. Он всегда старался уйти в тень, беря хитростью там, где другие применяли тупую силу. Сеть интриг, подкупы и предательства приближали его к заветной власти все ближе с исчезновением Светлого Короля. И вот все труды пропали даром.

Да, его тайная власть была велика, и племена тьмы покорились ему, но слуг держала не преданность, а страх перед его преувеличенным могуществом. Он решил, что пришло время воспользоваться плодами иссушившей его науки... То ли маг переоценил свои силы, то

ли надежность союзников, то ли слишком доверился советам Старых книг, но результат его попытки прибрать бесхозную власть к рукам был печальным.

И вот он остался один против целой армии Тристана – загнанный дикий зверь, укрывшийся в своем логове, в которое вот-вот заберутся охотничьи псы. Один, в якобы неприступной башне, когда-то бывшей жилищем его покойного учителя.

Раздался робкий стук – поздние гости не были редкостью в крепости. Но сейчас гостей быть не могло. Маг в досаде щелкнул пальцами, как будто его отвлекли от важного дела. Дверь сама беззвучно отворилась, впуслав визитера. Один из языков пламени камина, ярче прочих, взметнулся вверх, выхватив из полумрака комнаты лица хозяина и слуги. Фальстааф не пренебрегал возможностью пустить пыль в глаза дешевыми фокусами даже собственным слугам.

Вошедшее в комнату существо склонилось в почтительном поклоне.

– Какие новости, Ульрик? Надеюсь, добрые на этот раз...

Слуга не мог сдержать дрожи в коленях.

– Повелитель, гномы не выполнили оброк, говорят, что нынче самоцветы в неурожае. Так что нам нечем платить наемникам – орки уходят из крепости завтра. Они не хотят защищать башню даром.

– Этот, Тристан, хоть приличия ради, мог бы предложить мне союз. Все-таки я ему в какой-то степени брат, если, конечно, Король был действительно способен к интрижкам на стороне, – заметил с досадой Фальстааф.

– Впрочем, если он не дурак, – добавил маг, – То не станет оставлять в живых даже поверженного соперника.

Существо сморщило свою мордочку и без того смахивающую на зеленое печеное яблоко.

– Но ведь это вы первым напали, Господин. Согласитесь, последствия вашего «армагедона» жители окрестных сел так скоро не поправят.

– Ты обнаглел однако, Ульрик! – грозно рявкнул чародей.

Создание сжалось и втянуло голову в плечи так, как будто его собирались пребольно стукнуть, при этом и без того малый рост слуги уменьшился практически вдвое. Фальстааф выдавил гримасу отвращения.

– За что я только терплю это мерзкую тварь, такую нахальную и в тоже время трусливую... – проворчал Фальстааф.

«Подумаешь, армагедон, – мысленно вздохнул чародей, – Ну, перепутал я пару слов. Делов-то! Унесло ветром корову, да несколько соломенных крыш. Ну, пшеничное поле превратилось в обожженную воронку – не рассчитал. Двадцатью милями севернее – и дырка была бы на месте дворца, а от всех этих расфуфыренных бездельников с Тристаном во главе не осталось бы и горстки пепла».

«Если бы я только мог повторить этот маленький ритуал. Но, увы, и силы истощены, и нет необходимых ингредиентов. И посох сломался. А новый – негде достать и нет времени сделать. Что может маг без своего чародейского атрибута? Даже должного страха внушить толпе – и то вряд ли. Хуже всего, что об этом знают все мои враги. Уж больно представление было, э-ээ, публичным».

«Знают, что я им не смогу навредить, вот и решились на штурм. А орков понять можно. Зачем им голодать и гибнуть на стенах крепости. У этого лже-короля армия и не такой бастион приступом возьмет. Если не приступом, так измором. А орки пожрать-то любят. Все запасы на год умяли за месяц, сволочи».

Ульрик топтался в дверях, не зная, как прервать задумчивость хозяина. Наконец, он решился.

– Бежать вам надо, Господин. Долго мы вашими шутихами не продержимся. Фейерверки они уже раскусили – шуму и дыму много, а вреда никакого. Тут алхимией не возьмешь. Насто-

ящее колдовство надо. Ну, превратите вы их в соляные столбы, или в камни. Или... того лучше. Внушите, что вы и есть истинный наследник. И все будут здоровы и довольны...

– Дур-рак, – губы Фальстаафа обиженно задергались. До чего же он докатился! Какой-то мерзкий гоблин дает ему советы, как надо наводить чары.

– Посох, сломался, – хорошо поставленный голос чародея зазвенел, как порванная струна, – Кого я заколдую без посоха? Разве что крысу одну, да и то маленькую! А тут целая армия и куча мирных жителей, каждому из которых надо втолковать правильные мысли. Дурак, не одному магу служил, а ничему не выучился до сих пор.

– Дык, я больше вам всякую дрянь достаю, толку в ступке, смешиваю да варю. А что к чему вы меня не посвящаете, все строго по указке.

– Ну, вот и достань мне посох, сморчок! Это ведь твоя обязанность доставать мне нужные вещи.

Фальстааф швырнул в гоблина чернильницей на редкость метко. Собственной рукой, впервые за двадцать лет не прибегнув при этом к магии. Ульрик забился в угол и жалобно захныкал, явно преувеличивая свои страдания. Маг бушевал.

– «В ступке толку», – передразнил он гоблина, – Вот и перетолок! И не доварил! Вместо того, чтобы избавить народ от дворца с пирующими в нем нахлебниками и стать народным героем, спалили целое поле и оставили крестьян голодать. Теперь у них Тристан герой. Ишь какой храбрый да хороший – повел свой легион на одного плохого злого мага. Расселись вокруг моей башенки, даже штурмовать боятся, а ведь догадываются, что у меня кроме хлопушек ничего за душой нет.

Гоблин престал выть и всхлипнул:

– Туман еще держится. Вот они и боятся друг дружку в дымке перебить.

– Ага, завтра ветер подует и туман разгонит, а новый мне не из чего сотворить. Все запасы кончились! Орки уйдут. Стрелять со стены кто будет? Может ты?

– Не-а. Я лучше тряпку белую на шпиль повешу, – неожиданно дерзко сказал Ульрик.

– У-ууу, предатель, убил бы на месте, – Фальстааф судорожно стал искать, что бы еще швырнуть в надоедливое создание.

– Плохой из вас маг вышел, Господин. Никакой вы волшебник, только и умеете, что жульничать! Поэтому все так и выходит. Мой прежний хозяин свой посох ни за что бы не угробил.

– А кстати, где его посох? – Фальстааф так увлекся пришедшей ему в голову идеей, что даже простил слуге оскорбительную выходку. А толстая книга замерла в воздухе, так и не долетев до головы гоблина.

– Как где?! – удивился Ульрик, – Где и положено лежать посоху почтенного покойного мага. В его склепе.

Увесистый том, повисел еще пару секунд на уровне глаз гоблина и, наконец, упал с грохотом на пол.

Уже забрезжил рассвет, а Фальстааф так и не сомкнул глаз. Тяжкие раздумья не покидали его. Жалость к себе маленьким тщедушным зверьком скреблась где-то в районе желудка и тихо подвывала. С ним поступили несправедливо, чудовищно несправедливо! Сын королевы, но не короля, он не был объявлен наследником. Хотя бы из приличия, отчим обязан был дать ему титул принца, тем более, что король не имел других детей ни от своей первой жены, ни от матери Фальстаафа. «Надеюсь, кости «папочки» давно растащили стервятники, чтоб его светлому духу не было покоя», – зло подумал Фальстааф.

То как с ним обошлись, не давало надежды на трон. Сразу после рождения его отдали на воспитание и обучение престарелому магу. С тех пор он не видел матери до ее кончины. И

все же в нем жила надежда стать королем, которая умерла с приездом Тристана. Улыбчивый и белобрысый воин, неожиданно появившийся откуда-то из-за моря, полюбился и придворным, и простому люду. Сразу нашлись желающие трезвонить по всей округе о его необыкновенном сходстве с покойным королем, а остальные легко согласились с этим утверждением, благо видели правителя лишь на портретах, к слову сказать, не в меру приукрашенных. Жители города, конечно же, предпочли лицезреть на троне этого светловолосого с лучистым взглядом красавчика, чем смурого, похожего на сердитого ворона мага с кожей землистого оттенка и тяжелым взглядом мутно-зеленых, как болотная вода, глаз.

Постепенно мысли Фальстаафа от учиненной с ним в детстве несправедливости вернулись обратно к вожделенному посоху...

Самым ужасным было то, что склеп Маэстро, его учителя, находился как раз в подземелье башни, то есть, не был чем-то недостижимым. С другой стороны у молодого мага мороз пробегал по коже при одной мысли о том, чтобы нарушить святость не просто чьей-то могилы, а могилы знаменитого волшебника. Но посох был необходим горе-чародею. С помощью магии он еще надеялся запугать людей, осаждающих крепость, на милость которых не рассчитывал после капитуляции.

Фальстааф выглянул во двор через узкое отверстие бойницы. Напущенный им зловонный дым рассеивался, разгоняемый свежим утренним ветерком. Над крепостным валом взметнулась белая тряпица, которой размахивал главарь орочьей банды. Фальстааф потянулся было за арбалетом, чтобы снять предателя метким выстрелом, но передумал – зашвырнул оружие в темный угол и презрительно сплюнул сквозь зубы. Орки уже шли по опущенному мосту. Когда последний орк перебрался через ров, мост стал подниматься. «Ага! Значит Ульрик не смылся вместе с этими головорезами. Негодяй решил спрятаться в подземелье. Вряд ли ему хочется быть поджаренным на костре за содействие злему колдуну!» – горько усмехнулся маг.

«Скоро нас отсюда выкурят. Надо бы еще порасспросить создание о склепе». Фальстааф чувствовал, что иного выхода у него нет – пора спускаться в подземелье.

– Ульрик, где ты, черт-побери! Вечно тебя нет, стоит мне что-нибудь понадобится! – закричал маг. Раньше он никогда бы не унился до того, чтобы повысить голос, а предпочел бы дать о себе знать слуге другим способом.

– Я здесь, Господин...

Гоблин вынырнул, будто из-под земли.

– Принеси фонарь и лом.

– Зачем, Господин?

– Дурак, я хочу спуститься в склеп. Там темно и мне нужно открыть чем-то дверь.

– От двери, ведущей в склеп, есть ключи. Но я вам тут не помощник. Это плохо кончится.

Маэстро был великий волшебник!

– Но он умер и за десять лет превратился в такой же гнилой труп, как и простой смертный. Так, что из гроба он не восстанет. Что-то я не слышал о Маэстро, который мог бы обмануть собственную смерть, ну, разве что на время.

– Все равно! – гоблин упрямылся, вперив свои обычно бегающие глазенки в землю, – Не известно, что может сотворить настоящий волшебник, даже мертвый, если его побеспокоить! Я с вами не пойду и баста, – впервые за весь долгий срок службы слова Ульрика прозвучали твердо.

– Дьявол с тобой. Неси фонарь и ключи, разберусь без тебя.

– Только не говорите, Господин, что я вас не предупреждал, – многозначительно заявил гоблин, и скрылся в темноте коридора.

Через четверть часа слуга вернулся и отдал магу затребованные вещи. Гоблин сопел и отворачивался, стараясь не смотреть вслед удаляющемуся хозяину.

Связка, принесенная Ульриком, была огромной. Там были ключи от различных комнат башни, кладовок и погреба, шкафов и сундуков. Фальстааф не раз помянул слугу недобрым словом, пока подобрал нужный ключ. Прежде ему никогда не приходило бы в голову искать ключ от двери. Достаточно было коснуться посохом замка и приказать ему открыться, как любые ворота отворялись перед магом.

Но, наконец, в замок вошел нужный ключ, и дверь распахнулась неожиданно легко, как будто и не плесневела нетронутой десять лет. «Неужели паршивец смазывал и этот замок», – недоумевал Фальстааф.

И все же чародей медлил, прежде чем войти в склеп. Колени у него подгибались против воли, а ключи позвякивали в дрожащих руках. Перед глазами проплывали картины его ученичества. Маэстро не отличался терпимостью к прегрешениям подмастерья и был скор на расправу. «А ведь Ульрик прав, – подумалось вдруг Фальстаафу, – От старика и после смерти можно ожидать всего, что угодно».

Однако чародей сумел совладать с трусостью, стоило ему только представить счастливую рожу Тристана, врывающегося в никем не охраняемый чародейский «бастион». Он ступил в склеп и, посветив по углам фонарем, еле сдержал удивленный вздох.

– Старый мошенник и скряга! Мне оставил лишь жалкие крохи и предпочел унести все за собой в могилу.

Склеп был уставлен канделябрами, которые Фальстааф не преминул зажечь от своего фонаря. Большинство свечей превратились в огарки, как будто их часто зажигали. Вряд ли это делал покойный маг, значит, Ульрик часто наносил ему визиты. Чародей не сомневался, что бывал здесь именно Ульрик, а никто иной. Во-первых, ключи были только у гоблина, во-вторых, остальные просто не посмели бы сунуться в склеп.

– Теперь мне ясно, почему этот пройдоха не пошел со мной. Уверен, он был здесь не для того, чтобы положить на крышку гроба цветы.

Комната была набита всевозможными магическими предметами, среди которых были и бронзовые зеркала судеб и магические кристаллы, кости из полудрагоценных камней и амулеты, кувшины с благовониями и амфоры с пряностями. Различные по ценности металлы лежали в слитках, а самоцветы наполняли узорчатые шкатулки так, что их крышки не закрывались. Фальстааф даже протер глаза, чтобы убедиться, что это не иллюзия. «Мне нечем было заплатить даже маленькому отряду орков, а такие сокровища пропадали здесь. И Ульрик даже словом не обмолвился. Попадись он мне только!»

Маг зачерпнул полную пригоршню сапфиров, залюбовался игрой отблесков пламени на их гранях, и небрежно рассыпал их по полу. Затем он также запустил пальцы в рубины, но передумал. Теперь драгоценности его не спасут. Разве что скинуть их прямо на головы солдат Тристана, чтобы они перегрызли друг другу глотки. Но на это мало надежды – в лагере железная дисциплина.

Взгляд Фальстаафа блуждал от одной вещицы к другой. Посоха старого мага нигде не было видно. Впрочем, гроба он тоже не заметил. Хоть он и присутствовал на торжественной церемонии в дань памяти усопшего, но провожали Маэстро в последний путь лишь приближенные слуги: Ульрик, да Гвидо, последовавший в мир иной вскоре после кончины хозяина. Кто знает, возможно, тело было предано огню и пепел хранится в одной из точеных амфор, стоящих на малахитовом столике. Но Фальстааф сомневался в этом. Посох мага должен быть подле его тела, а сжечь магический жезл глупому гоблину не по силам. Хотя, получилось же сломать свой посох у Фальстаафа, правда, делал он это далеко не намеренно.

Внимание чародея привлек необычный браслет из темного серебра в виде дракона, кусающего собственный хвост. Маленькие зубчики из искристого зеленого авантюрина изображали гребень рептилии, а в каждую чешуйку на «шкуре» было вплавлено зернышко хризопраза или кровавика. Лапы «дракона» имели гиацинтовые коготки. Фальстааф уже было решил, что это обычный оберег, учитывая свойства гиацинта и кровавика – защищать заклинателей от воздействия враждебных духов и хризопраза – средства от зависти и клеветы. Но при дальнейшем рассмотрении браслета, маг изменил свое мнение на его счет. Глаза «ящерики», выполненные из золотистого цитрина казались подернутыми мутноватой пленкой. А этот кристалл издавна считался камнем обманщиков и обострял чувственные ощущения, как любой хрусталь.

Не долго думая, маг примерил браслет на правую руку. Ему казалось, что украшение будет ему велико, но браслет будто бы сжался и крепко обхватил его сухощавое запястье. Фальстааф попытался снять «дракона» с руки, но вещица не поддалась, только крепче впившись в кожу яркими коготками. «Я займусь этим пустячком позже, когда на это будет время», – подумал Фальстааф, и безделушка сразу перестала стискивать руку в судорожном объятии. «Словно не хочет со мной расставаться!» – пришло в голову магу.

Чародей огляделся: комната никак не походила на склеп. Фальстааф попытался нащупать скрытую дверь или лаз, тайник, в конце концов. Вдруг он заметил, что один из гобеленов прилегает к стене не слишком плотно. Фальстааф отогнул край материи и обнаружил узкий и темный лаз. Больше всего на свете магу не хотелось забираться в этот холодный и пахнущий плесенью коридор, такой низкий, что пройти, не сгибаясь, здесь мог разве что гоблин. «Мне нужен посох!» – повторил про себя Фальстааф, как заклинание, опустил на колени у входа тоннеля и пополз на четвереньках, зажав кольцо фонаря зубами. Пол противно хлюпал при каждом движении, и Фальстааф старался не смотреть себе под ноги, так как за крепость своего желудка он не ручался. Челюсти сводило, фонарь словно налился тяжестью, и Фальстааф удерживал его из последних сил, лишь бы не уронить в воду.

Наконец, за поворотом лаза забрезжил слабый свет. Маг даже решил, что подземный коридор приведет его прямым ходом на поверхность, в объятия старины Тристана. Но подъема он вроде бы не заметил, да и свет был каким-то неестественным. Фальстааф выполз из туннеля, со вздохом поставил фонарь на какой-то выступ в стене. Нагнулся, чтобы отряхнуть грязь с колен, да так и замер с согбенной спиной – из глубины склепа до него донесся замогильный голос:

– Что, проведать пришел, ученичок?

Все мысли в голове Фальстаафа зароились как пчелы в разоренном улье, а спина прямо окаменела в столь неудобном для нее состоянии.

– Вот то-то же! Так и стой. Это как нельзя лучше пристало твоему положению. Видно, раньше поклоны-то не бил перед любимым учителем?

С одной стороны голос не был похож на голос Маэстро, но с другой, кто его знает, как может произносить слова полуразложившийся труп. Однако Фальстааф все же попытался разогнуться. Спина с трудом, но поддалась, к счастью, ее свел всего лишь приступ радикулита, а не проклятие потревоженного духа.

Воздух склепа был густой и тяжелый. Пахло тухлым мясом и нечистотами. Вся комната, за исключением нескольких темных углов, была озарена тусклым голубоватым свечением неизвестного происхождения. Вскоре чародей обнаружил, что источником света является массивный саркофаг из адуляра. Не нравилось магу лишь то, что из дальнего угла помещения на него взирали оранжевые и огромные, как плоски, глаза. Маэстро должен был сильно вырасти после смерти, чтобы разместить на своем плешивом черепе что-либо подобное. До Фальстаафа

дошло, что его кто-то мерзко разыгрывает, он взял фонарь и поднял его повыше, одновременно шагнув в ту сторону, откуда раздавался голос.

Фонарь осветил силуэт вещавшего существа. Фальстааф мог бы поклясться собственным здоровьем, что это был самый, что ни на есть черный дракон. Маг судорожно сглотнул, стараясь вернуть отвисшую челюсть в более естественное для нее положение.

– А здорово, я тебя напугал! – довольно промурлыкал ящер, – Небось, подумал, что учитель сам из гроба восстал посохом по хребтине настучать, уму-разуму поучить.

«Пожалуй, я был бы больше рад видеть зануду-старикана, чем это», – тоскливо подумал Фальстааф. Чешуйчатая скотина сотрясалась от хохота.

– А учитель твой лежит как новенький. Хочешь посмотреть? – все еще похохатывая, пробулькал дракон.

Фальстааф против воли посмотрел на саркофаг. Голубоватый адуляр был довольно прозрачным, и сквозь него просвечивало тело и лицо старика с застывшим на нем святейшим благообразием. Маг был мертв, хоть и довольно хорошо сохранился в холоде погреба, так что казался спящим. Посох лежал в гробу вместе с хозяином.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.